

Виктор Ааб

1988 ГОД. СТАРОЕ НОВОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

*Простым людям,
сынам Отчества,
бесследно
растворившимся в
пучине перестройки...*

*Совпадение имен,
фамилий и названий
местности носит
случайный характер.*

Часть первая. СВЕЖИЕ ВЕТРЫ

Глава 1

Не могу разобраться сам с собой. Не могу разобраться — чего же все-таки хочу, и чего мне не хватает? А получается, что не хватает мне того очерченного очень хлопотного круга проблем, к которым с таким трудом, наконец, привык. Привык к сопровождавшему меня эти два года самоощущению, которое выражается буквально двумя словами — постоянный стресс.

Стресс даже глубокими ночами, когда, вдруг, подкидывает трель телефонного звонка, и ты в

потемках, по выверенному маршруту, пробираешься к телефонному аппарату, установленному в прихожей, стремишься побыстрее заглушить его — как бы де шу;тей не разбудил! — и из трубки, откуда-то из глубины ночи слышишь хрипловатый от недосыпа голос бодрствующей сменной телеграфистки:

— Виктор Васильевич, прошел сигнал «Ракета».

Так, минимум, один раз в неделю, военные ведомства проверяют бдительность оборонительных звеньев государства. И хоть уже давно знаешь — сигнал — учебный, все равно, тревожный холодок навевают кодовые слова. И уснуть после каждой такой побудки сразу не удается. Полная разрядка наступит утром, после доклада начальника телеграфа о том, что учебная телеграмма обработана успешно, и без нарушения установленных сроков доставлена всем адресатам. Таков «крест» начальника ТТС. Он обязан одним из первых «быть в курсе», и в случае чего, нести полную ответственность за сбой в работе оповещения.

Всё, телеграф теперь не твой! Так стоит ли переживать о такой потере? Может быть, по ночам теперь, будешь спать спокойно.

А внутренний голос подначивает самого себя:

— Но ведь с уходом двух цехов и фигура ты

уже не та, Виктор Васильевич! Уменьшился твой вес в иерархии начальствующего состава областных связистов...

— Ну и что, что уменьшился? Вроде бы в ближайшее время начальником управления связи быть ты не стремишься. А в глазах регионального местного руководства ты как был начальником городской связи так им и останешься. Зато, может быть, поспокойнее будешь. Ох, буду ли... Ведь спокойствие, — это не должность, это — характер...

В духе времени формулировка приказа:

— «...в целях упорядочения структуры управления, и в связи с подготовкой к переводу отрасли с 1 января 1988 года на полный хозрасчет, самофинансирование, и двухзвенную систему управления... передать трудовые книжки и личные дела следующих работников...».

В списках фамилии 120 человек составляющих цех междугородной связи, 55 — из цеха телеграфа, 6 — из службы электропитания, 12 — из прочих служб. На 193 человека полегчало мое предприятие. Может быть, действительно, полегче станет...

— «... В связи с реорганизацией Синегорской телеграфно-телефонной станции в Городскую телефонную станцию — сделать

соответствующие записи в трудовые книжки работников».

Сколько их у меня осталось — этих работников? Вместе со мной — 170 человек. Обыкновенное среднее предприятие.

Подписаны соответствующие приказы и на руководящий состав ГТС. Вот только с экономистом — проблемы. Все не покидают Мурносову иллюзии, что все-таки, управление связи заберет её к себе. Я по складу характера очень трудно расстаюсь с людьми, и по большому счету, как экономист, Валентина Васильевна меня устраивает. Поторапливаю:

— Решайтесь поскорее, Валентина Васильевна! Большое предприятие... маленькое... Какая разница? На любое предприятие в начале года новые проблемы наваливаются как снежный ком.

Мне нужна определенность с экономистом ГТС.

Знаю, что по-своему обрабатывают Мурносову и Макарычев и Пильникова. А её все не устраивает что-то, и что именно, понять невозможно. Сомнения её неопределенны, загадочны. Что она хочет выгадать? — непонятно, но с каждым днем её сомнения из-за зависшей неопределенности приобретают форму страха.

Фенин, по-прежнему, непреклонен. Дает

понять, что еще немного времени и должность экономиста ГТС может занять свежий человек. А просто рядовым экономистом Мурносова быть не хочет. Только 25 января развеет она, наконец, свои колебания, и приказ о её назначении на ГТС будет подписан.

А пока утрясает она проблему с работниками участка электропитания. Инженер электропитания Яровая Надежда Дмитриевна, наоборот, категорически не желает переходить в областное предприятие.

— Найдите мне какую-нибудь работу на ГТС — умоляет она.

Надежда Дмитриевна почему-то презирует управление связи. У нее «зуб» на управление еще с тех времен, когда ГТС «с их помощью» неуклонно тонула в своих проблемах.

Легко сказать — найдите! Возможности по маневру кадрами, на вдвое уменьшившемся предприятии, значительно сузились.

— Но ведь в цехе АТС остается достаточно собственного оборудования электропитания! Оно по циклу своему автономно работает, и не зависит от той части, что передано управлению связи. Его ведь тоже надо обслуживать — резонно замечает Яровая.

— И действительно, — почему бы нам не иметь собственную группу электропитания? Ведь и

АТС-7, и АТС-9, и АТС-66, и нарождающаяся АТС Васильковского микрорайона имеют собственные энергоисточники, включая старенький дизель «семерки», включая собственные энерговододы, до которых отделившейся управлению связи службе электропитания, точно, дела не будет. Стоит подумать о собственной группе!

Мурносова, Надежду Яровую держит в подругах. Хорошо знает и учитывает Валентина Васильевна её строптивый характер. А потому понятна ей «упертость» подруги в неприятии управления, и не пойти навстречу Яровой, бросить её на произвол судьбы Мурносова не может.

Тщательные проведенные расчеты на штат, требуемый для обслуживания, оставшегося на ГТС электропитания, определяют твердую потребность в трех работниках.

Фенин с расчетами и изложенными резонными замечаниями не спорит.

Так на ГТС рождается самостоятельная энергогруппа, в составе цеха АТС. Яровая её тут же укомплектовывает людьми. Вместе с ней остаются на ГТС два толковых монтера-энергетика.

Инженер первого отдела и по совместительству — парторг, Мелонская Раиса Федоровна мучительно ищет выход из создавшейся ситуации. Не остается на ГТС такого объема

секретной работы, ради которого необходимо держать отдельного работника, а в управлении связи имеется свой, полностью укомплектованный, первый отдел. Конкретной специальности связиста Раиса Федоровна не имеет и ей грозит реальное сокращение. Кем все-таки может остаться на ГТС парторг Мелонская?..

Уборщицей?.. — ну как-то совсем не солидно! А что если секретарем-машинисткой?.. Уже теплее!.. Сейчас важно удержаться на работе, а дальше жизнь сама все расставит по местам. Вот только куда деть существующую машинистку Иру Лосеву?

Раиса Федоровна по роду своих, теперь, к сожалению, упраздняемых обязанностей, тесно контактирует с инспектором по кадрам Парк Светланой Григорьевной. После недолгих раздумываний, совместно с ней, решение найдено! Лосеву надо переместить в телефонистки.

Я не могу проследить все внутренние мотивы предлагаемых моими специалистами решений, а тут, даже без их предложений, как будто бы все само собой происходит.

В один из дней Ирина протягивает мне заявление с просьбой перевести её телефонисткой справочной службы. У неё обиженное лицо. Лицо, явно не гармонирует с проявленной добровольностью. Но я вряд ли узнаю, как её

обрабатывали. Не придаю этому особого значения. Молодая девушка! Может быть, ей просто хочется сбежать от так опостылевших, вечно недовольных и шумных посетителей приемной! Подписываю заявление на перевод с сожалением. Я уже привык к сложившемуся ритму работы приемной, и сбои этого ритма сейчас мне не нужны. А их и не происходит.

Все решается как бы само собой. Следом за заявлением Лосевой, Парк Светлана приносит согласие Мелонской — поработать в приемной секретарем-машинисткой, и это гарантия, что режим работы приемной не изменится. Меня это устраивает, да и парторг Городской телефонной станции еще понадобится, ведь закрыть партийную организацию предприятия, даже если она и уменьшилась более чем в два раза, никто не позволит.

Глава 2

Двухзвенная система управления, что же это такое? В чем её преимущества? Оказывается то, что Областное производственно-техническое управление связи, являясь координирующим центром организации работы многочисленных производственных предприятий области, что само по себе очень важно, еще, разрабатывает и решает

стратегические вопросы развития связи на подведомственной территории, наконец, контролирует в целом работу связи области — производством не считается!?

Да и очень уж портит статистику, что в управлении связи одни чиновники работают. Слишком уж раздут в стране чиновничий аппарат. А вот взяли они под свое крылышко парочку производственных цехов — все! Чиновниками они уже не являются, вернее, не так явно выглядит их количество на фоне многочисленных телефонисток, телеграфисток и ИТР межгорода и телеграфа.

Странно, что никто не обращает внимания на явную нелепость даже названия теперь головного предприятия связистов — ПО ОПТУС. Производственное объединение областного производственно-технического управления связи. Масло — масляное....

Зато министерство связи теперь непосредственно управляет производством! Двухзвенная схема... А то, что теперь, управление связи, явно озабоченное своими прямыми производственными обязанностями, конечно же, меньше станет уделять внимания нуждам и проблемам почти таких же теперь, как оно само, но — не головных предприятий, — над этим, похоже, никто не задумывается...

По вечерам, решаю проблемки соскучившихся

по мне дочурок. Потом, дождавшись когда они, наконец, уgomонятся одолеваемые сном, уютно расположатся, — одна на коленях, прижавшись к груди; вторая, — просто, к теплomu папиному боку, — расслабившись в углу дивана, смотрю телевизор.

Свежие ветры веют по моей стране. К ставшим уже привычными, таким словам, как «гласность, перестройка» — добавляются все новые и новые. Самофинансирование и хозрасчет, Закон о государственном предприятии, госзаказ... Слова, рисующие неизведанные перспективы. Они пьянят, они прогнозируют мощный рывок в развитии страны, они сулят скорое, очень скорое, реальное улучшение жизни своих граждан.

Ошеломленные вылившейся как вода из ушата Гласностью, критически оценивая свою собственную жизнь, все мы начинаем с удивлением и некоторой растерянностью задавать сами себе вопросы.

И действительно, — почему проживая в самой мощной и богатой ресурсами стране, стране ставшей победительницей в самой тяжелой из случившихся войн на земле, стране — лидере по многим экономическим и научным достижениям, — мы униzительно отстаем по условиям жизни от загнивающих в алчном и бесчеловечном капитализме — западных стран? Да

что там! Если бы только в западных...

Вот и недавно побывавший по путевке профсоюза в Германской Демократической Республике монтер радиоузла Шершнев Валера с упоением рассказывает, что он побывал в стране, в которой, по его словам, практически построен коммунизм. Но ведь это тоже социалистическая страна! Страна, ставшая социалистической гораздо позже нас! Страна, не меньше нас пострадавшая в той, проклятой войне. Там — коммунизм, а здесь — застой... Нет, не умеем мы работать!

Но почему, же сейчас, когда многие причины своей «плохой» жизни мы узнали — устранить нормально эти причины мы не можем? Вот и бич моей страны — пьянство! Так рьяно с ним боролись буквально год назад, что, оказывается, повырубали все виноградники! И теперь, просто не из чего делать даже хорошее вино. Вот уж воистину — заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибёт...

Да что там — вино! Сахар как будто корова языком слизала с прилавков. Теперь его продают по талонам. Говорят, что теперь весь сахар в стране незаметными гражданами переводится на производство самогона. Ведь водка в стране — теперь тоже по талонам! Ну, а коли по талонам — то полагается она и моей семье.

Мне не нужна водка, я просто не испытываю потребности её пить, но коли она мне положена —

надо её выкупить. Не пропадать же добру... Складываю бутылки в ящики — может быть пригодится на какое-нибудь большое торжество.

Но коли, этот пресловутый литр в месяц, полагается по талону и упорно перебарывающему тягу к пьянству кабельщику Вите Чурсину, то он, получив её, теперь уже навязанную ему государством, непременно её, проклятую, выпьет. Вот он — результат бездумной кампанейщины! Вот и доборолось государство с пьянством, до непредвиденного финала...

Но, тем не менее, Витя Чурсин, а с ним и вся бригада кабельщиков-спайщиков на работе нетрезвыми пока не замечены. И одна из причин этого — страх лишиться складывающихся сейчас в приличные суммы их заработков. Как долго такое положение удастся сохранить...

Глава 3

Веют свежие ветры над государством. Моему новому старому предприятию тоже вот-вот придется начинать осваивать хозрасчет.

А пока надо провести собрание по итогам года. И одна из причин поторопиться с этим — необходимость выбрать Председателя профсоюзного комитета ГТС. Не может жизнь предприятия нормально протекать без

профсоюзного комитета. Организация соцсоревнования, согласование и утверждение бесчисленных социальных решений, разработка и утверждение коллективного договора, наконец, — куда от этого деться.

И хоть итоги прошедшего года разошлись, разделились по двум разным коллективам, — работников обновившегося предприятия собрать — самое время. Люди должны быть уверены — вновь образовавшийся коллектив ждет прекрасное будущее, и хоть задачи у этого коллектива, в принципе, остались прежними и четко сформулированы — напомнить о них совсем не помешает.

Кандидат на вакантную должность Председателя профкома — один. Это инженер по технике безопасности Аликина Лидия Ивановна. На занимаемой ею не хлопотной должности, дополнительно исполнять общественные обязанности будет не накладно.

По складу характера Лидия Ивановна совсем не профсоюзный лидер. Незаметна и скромна, но послушна и исполнительна. Макарычев знает её гораздо лучше, чем я и считает, что в переломное для ГТС время она с важной общественной нагрузкой справится. А там — видно будет. Впрочем, это не совсем общественная работа. Председателю профкома полагается надбавка к

окладу. Для Аликиной эти деньги лишними не являются и она, в принципе, не против своего избрания.

Людей в зале — добрая половина коллектива. Но впервые нет здесь крикливых и заполошных телефонисток, обычно создающих своими нарядными блузками праздничную обстановку. И если ранее на собраниях ГТС преобладали женщины, то теперь явно ощущается весомое присутствие мужчин.

Сосредоточенные от осознания своей важности кабельщики, с любопытством озирающиеся по сторонам и здоровающиеся со своими многочисленными знакомыми линейные монтеры.

Выглядят несколько отчужденными и настороженными радиоузловцы, оккупировавшие отдаленные ряды Красного уголка. Скромно прячутся за спины своих товарищей водители, совсем не привыкшие к вниманию.

Синим единым пятном, жидко разбавленным свободной одеждой телефонисток справочной службы, выделяется, своими рабочими халатами, цех АТС.

Дух грубой рабочей силы витает в зале. В зале явно ощущается присутствие настоящего рабочего класса. Именно он, неуклюжий и немногословный, теперь составляет основной стержень ГТС.

Оказывается, я совсем не знаю своих людей. На мое сообщение о том, что правопреемница ГТС — Городская телефонная станция как узко профильное специализированное предприятие, отныне полностью сосредотачивает свои усилия на решении конкретных вопросов, а именно эксплуатации и развития, собственно, телефонной сети и радиофикации областного центра, присутствующие в зале реагируют шумным одобрительным гулом.

Особенно заметна радость на лицах работников линейно-кабельного цеха. Еще бы! Теперь их труд не будет сравниваться с трудом цехов межгорода и телеграфа явно по специфике и условиям, несоизмеримым с их «приземленным» а поэтому, тяжелым трудом, с тяжестью, имеющей свойство многократно усиливаться под воздействием сурового климата.

Они рады, что ушли с пути два цеха, которые при подведении любых итогов соцсоревнования, своими гораздо легче добытыми результатами, произвольно складывающимся укором, невольно подчеркивали «никчемность и ущербность» ИХ работы.

Пусть работают сами по себе междугородчики под крылышком управления связи. Мы завидовать им, по примеру радиоузла, не будем.

Радуются гэтээсники. Они же видят как

довольно их конкретное начальство — и Бугаенко и Висящев, успевшее уже разъяснить, что теперь у администрации ИХ предприятия иных, более важных, чем их, линейщиков, забот — нет. А славу свою они заработают сами. Только оценивать её надо справедливо. И прокормить себя новое предприятие, они уверены, сумеет.

Оригинальничает в своем выступлении Висящев:

— Виктор Васильевич, цех ЛКЦ поздравляет вас с новым назначением, — и поясняет, — теперь вам, как кучеру, еще вчера управляющему конем и трепетной ланью в одной упряжке, не придется выбирать кто из них лучший. Осталась в упряжке одна рабочая лошадь...

Для меня становится совершенно неожиданной обида, откровенно выплескиваемая оставшимся мне коллективом, на канувшую в лету Телеграфно-телефонную станцию. Я воспринимаю её уже спокойно и понимаю — эта обида не за последние два года. Это обида, скопившаяся тогда, раньше, до моего правления. Но как оказывается глубоко она сидит в сердцах линейщиков! Хотя была в сложившейся ситуации, безусловно, и вина их самих.

По большому счету, эмоции, особенно кабельщиков, мне близки. Анализируя наедине с собой работу на ТТС — задавал сам себе вопрос.

Почему именно под моим руководством удалось практически за год вырваться предприятию из глубочайшего кризиса, почему этого не произошло ни под руководством Мирославцева, Мартьянова, Макарычева, Ковалева, наконец?

И приходил к убеждению, — они, конечно, понимали ключевое значение линейно-кабельного цеха в функционировании всей связи. Но они не прочувствовали на своей шкуре, на личной практике, всей тяжести этой работы и ответственности за её результаты на себе. Так, как это прочувствовал я во времена своего становления как связиста в Эксплуатационно-техническом узле связи, когда вынужден был, несмотря на высокую занимаемую должность, с лопатой в руках, наравне с рядовыми монтерами и кабельщиками их работу выполнять.

В силу склада своего характера и опыта, на ТТС я просто не мог давать оценку их труду, прежде, не пропустив ход действий работников линейно-кабельного цеха через себя, через свое восприятие. Именно это обстоятельство дало мне возможность холодным рассудком, руками Висящева и Бугаенко, справедливо, и распределить, и оценить их труд. И именно это и привело ТТС к выходу из кризиса.

И хоть я междугородчик по профессии, оказалось, что сердце мое принадлежит

кабельщикам. А люди это тонко чувствуют... Хотя междугородчики на меня, думаю, тоже обидеться не успели.

Дуются только радиоузловцы, и причина этого для меня пока непонятна окончательно. Все им кажется, что я ущемляю их радиоузел. Присутствовавшие на собрании и Фенин, и председатель Областного профсоюзного комитета Ситникова П.И. в один голос уверяют радистов: — как работали, — так и будете работать...

Кандидатура в Председатели профкома ГТС Аликиной Лидии одобряется единодушно. Может она теперь формировать свои комиссии...

И все-таки самый главный вопрос, вписанный в повестку собрания — обсуждение и принятие нового Коллективного договора между профсоюзом и администрацией.

И, конечно же, особое место в пунктах договора занимает новая сетка премирования кабельной бригады за снижение повреждений. Она ужесточается, но происходит это эволюционным путем. Весь летне-осенний период бригада проработала строго в рамках того первого, не меняющегося с 1986 года соглашения, которое позволило вырвать предприятие из кризиса, существенно снизить кабельные повреждения, и более того, позволило свести их к приемлемому на прошедший период времени количеству. Но

сделать так чтобы на конец дня этих повреждений было — ноль, — нам все-таки не удалось.

Заложенное действующей до настоящего времени сеткой количество повреждений между 150 и 50 позволило кабельщикам иметь максимальные восемьдесят процентов премии к окладу и без «нуля» — на конец дня. И никакая идеологическая обработка их, начальником цеха, никак не приводила к заветной для меня и Макарычева цели.

Да, на начало этого года мы имели лучший, просто невероятный, в том числе и для управления связи, результат в двадцать восемь повреждений. Но это не был НОЛЬ.

И сейчас, когда повреждения медленно, но продолжают снижаться — снижаться руками кабельщиков, которым в душе, по-прежнему, совсем не хочется окончательно избавиться от них, — потихоньку к нулю они приближаются. Только сейчас заставляет их сделать это не сетка премирования, не Штольц, не Макарычев и не Висящев.

Сделать это их заставляет — мороз. Это он усиленно работает над повышением изоляции кабельных жил. Это он не дает возможности строителям рыть землю и рвать кабели. Это он оберегает сейчас сети от всяких непредвиденных ЧП.

Куда деваться кабельщикам? Хоть и короток зимой световой день, но его достаточно, чтобы основательно заняться оставшимся немногочисленным количеством одиночных повреждений, и наконец, устранять их, что они вольно или невольно делают.

С одной стороны, структурные изменения, происходившие с предприятием, мучают душу. А с другой, вот уже полтора месяца нового года, разжигают во мне нешуточный азарт игрока, положительные эмоции от предвкушения достижения заветной цели. И азарт этот распространяется на моих надежных союзников Висящева и Макарычева.

Против нас, по-прежнему, играют все еще сохранившиеся в душах и монтеров и кабельщиков ностальгические страсти по временам хаоса и коллективной безответственности. Но они после изнурительной двухлетней борьбы все теряют и теряют свои силы. В их руках, и весной, и летом, и осенью были природные козыри, негативно воздействующие на сеть, но впервые за многие годы кабельщики не сумели их грамотно применить. Не сумели, или не захотели? Этого мы не знаем точно. И вот сейчас, пусть на короткий зимний срок, эти козыри, зимой, обернулись плюсом, для нас. И пользуемся ими мы сейчас на полную катушку.

Разгул метелей укорачивают усиливающиеся морозы, и дают они всех и вся. Съездившись от холода, люди ходят по улицам, а нам с Висящевым и Макарычевым все нипочем. Мы высматриваем, считаем и наслаждаемся «ласточками». Этими летними птицами, доставляющими нам, «прилетом своим» среди разгула зимы, неописуемое удовольствие.

Первая «ласточка» появилась и промелькнула перед нами 7 января. Именно в этот день на АТС-7, на конец дня, не осталось ни одного кабельного повреждения! Она вновь полетала над этой станцией 13 января, потом — пятнадцатого, двадцатого и совсем не улетала оттуда с двадцать второго по двадцать пятое января.

Я не удержался и приехал на АТС. Я никогда не видел такого счастливого лица кроссового работника. Это была Таня Белоногова. Её окружала тишина. Тишина на кроссе — когда такое было?! Нет повреждений!!!

Вслед за первой «ласточкой» прилетела и вторая. На этот раз уже на АТС-4. На самой крупной АТС города, в которую включено более пяти тысяч номеров — 15 января тоже не нашлось места кабельному повреждению. И тоже — неописуемая тишина на кроссе. Как она, оказывается, радует слух!

Хоть и молодые, но уже очень опытные

работницы кросса Зоя Байорис, Шура Калугина оглушенные тишиной, твердят в голос:

— Виктор Васильевич, неужели такое, может быть?! Нет, это случайность...

— Случайность..., не случайность... — но хронических завалов на вашей АТС больше не будет. В этом можете быть твердо уверенными, — успокаиваю я их, — но конечно это может быть обеспечено только слаженной работой всех членов коллектива имеющих к повреждениям отношение, в том числе и вашей.

— Мы не подведем, Виктор Васильевич, — бубнит скороговоркой эмоциональная Зоя. Уж теперь-то, ни одно появившееся вновь повреждение мы не упустим из вида, пока не убедимся, что оно надежно устранено.

«Ласточка» сделала только разведывательный облет. Буквально в этот же день на АТС-4 возникли и держались не устраненными целых три дня два кабельных повреждения. 19 января — осталось одно, и двадцатого января «ласточка» посетила АТС-4 вновь.

Все чаще и чаще АТС-7, АТС-4, а новой АТС-9 Северной промзоны и сам бог велел, выходили на конец дня с нулевым количеством кабельных повреждений!

Такого никогда не было на памяти городского предприятия связи. Результат января по работе с

кабельными повреждениями был ошеломляющий — целый месяц в среднем, в день было всего 5 кабельных повреждений!

И как-то очень быстро такое положение стало привычным и обыденным. Конечно, так и должно было быть! Но я-то помнил, — еще полтора года назад на людей утверждавших, что так может быть, скептики из управления связи смотрели как на свихнувшихся мечтателей.

На собрании не возникло ни одного оппонента, оспаривающего целесообразность ужесточения сетки премирования за количество кабельных повреждений, а правильнее — приведения её в соответствие с достигнутыми результатами работы.

Новая, более жесткая сетка, кабельщикам оказалась не страшна. Они сами на практике убедились, что она реальна для исполнения. Они сами увидели, что у них появился реальный запас времени, позволяющий до предстоящего периода паводков существенно упрочить состояние линейно кабельной сети.

И они не возражали против того, что теперь 80 процентов премии они смогут получить при количестве повреждений на конец месяца не превышающем — 25. И как крайняя мера, при количестве повреждений превышающем — 200, — действие сетки отменяется.

Фенин Андрей Алексеевич, очень заинтересованно следивший за реакцией коллектива, на ход обсуждения сетки, удовлетворенно хмыкал, перебрасывался репликами с сидевшей рядом Ситниковой Полиной Ивановной, и по его лицу было понятно, что сегодня ему тоже ничего не жалко для ГТС ради отсутствия повреждений на сети.

Глава 4

Быстро пролетают дни февраля, а обещанный в эйфории собрания самими кабельщиками НОЛЬ кабельных повреждений на конец дня, в целом по предприятию — по-прежнему оказывается недостижим. Самая старая станция города — АТС-6 упорно не желает очиститься полностью от своих застарелых и закоренелых болячек. Вот уже середина месяца, а два последних повреждения отодрать от неё все еще не удастся.

И все-таки — 19 февраля она поддается напору кабельщиков — и «сдает» еще одно повреждение.

Я уже не знаю — чья это заслуга — кабельщиков, или беснующегося в городе лютого мороза. По большому счету — это не важно. А вот то — что 23 января, наконец-то, влетела «ласточка» в кросс АТС-6 и с её прилетом, в Синегорске на

всей сети ГТС не нашлось места ни одному кабельному повреждению — этот факт, моей душе — невозможно было переоценить!

Городская телефонная станция преодолела важнейший психологический рубеж в истории своего развития. Самому упорному защитнику теории неизбежного наличия бардака на телефонной сети — в этот день, наконец, наглядно было продемонстрировано — эта теория потерпела крах.

Успех еще предстояло закрепить, но отныне администрация Городской телефонной сети по вопросам качества работы сети получила долгожданную возможность со своими работниками вести диалог на понятном всеми сторонами — языке.

Как это ни странно — достигнутый НОЛЬ был отмечен людьми лишь некоторым всплеском оживления, и в целом был воспринят коллективом как обыденный результат. 23 февраля он просто стал маленьким придатком к традиционным поздравлениям в день Советской армии — мужчин, своими коллегами — женщинами.

Опасения, что на гребне реорганизации Городская телефонная станция может потерять наработанные Телеграфно-телефонной станцией темпы работы — постепенно рассеиваются. И все-таки нет-нет, а периодически болью отдаются в

душе ощущения, сходные с теми, которые я испытывал в начале 1986 года, при назначении на ГТС.

Чувство горечи, что опять меня вынудили принять, даже не спросив моего мнения, новое предприятие Городскую телефонную сеть. Мне опять просто не дали выбора. А нравится это или не нравится — поручили работу и — исполняй.

И мешать тебе особо не будем и помогать — тоже. Не жди кабеля и материалов — их по-прежнему нет на эксплуатацию. И обстановка со снабжением Области будет только ухудшаться. Не жди квалифицированных специалистов. По-прежнему ГТС не привлекает молодежь, а это значит, — будешь крутиться в собственном соку.

Струнки моего внутреннего Я, струнки состоявшегося инженера тяготеющего к электронной технике, а не к голым проводам тоже протестуют от рутинной руководящей работы на ГТС.

Я понимаю, — в настоящее время — нет у Фенина альтернативы для моей замены. Да и не разумно менять руководителя на только-только начавшем стабильно работать, вечно проблемном предприятии. Фенин в обычной своей манере все делает жестко и без сантиментов, но я понимаю, — его решения — правильны. Я гоню прочь неприятные ощущения, ожесточенно давлю

пытающегося пробудиться внутри — «жалельщика» самого себя.

Собственная самооценка — что я уже давно не просто инженер, — я состоявшийся руководитель, человек, на виду у большого количества людей и поэтому просто не имеющий права проявлять собственные слабости, наконец, пересиливает сомнения. Непосредственные повседневные заботы, нестандартные проблемы реорганизации плотно держат в своих тисках. Вот, даже такой долгожданный долго-долго недостижимый НОЛЬ промелькнул стайей «ласточек» среди зимы и практически сразу же заслонился рутинной повседневных реакций на обычные события. Дни летят с невероятной быстротой. Я постепенно привыкаю и свыкаюсь со своим новым положением.

Не так уж и на произвол судьбы бросил меня Фенин в омут городских проблем. В последние годы я очень редко встречаюсь со своими соратниками по моей предыдущей работе в Области. Разве что раз-два в год на общих областных собраниях.

И вот совершенно неожиданно на прием ко мне приходит Журба Владимир Яковлевич. С ним я знаком с 1975 года. Все годы, когда мы неоднократно сталкивались по работе, он был бессменным начальником районного Узла связи

пригородного Синегорского района. Он был дельным начальником. Но где-то с год назад после перенесенного серьезного сердечного заболевания вынужден был по рекомендации врачей оставить тяжелую, требующую постоянных физических и нервных нагрузок работу. Подлечившись, он перебрался на постоянное место жительства в город. Андрей Алексеевич определил ему работу, в Государственной инспекции электросвязи занимающуюся контролем над использованием радиочастот, а коммунисты Управления связи — чтобы не особенно расслаблялся, избрали его Секретарем партийной организации.

Казалось — сиди и работай потихоньку. Но не таков был Владимир Яковлевич. Все годы крутившийся на живом производственном предприятии, не достигший по возрасту еще и пятидесяти лет, он стал буквально задыхаться в атмосфере управленческого аппарата ОПТУС густо размешанной обильными внутренними склоками, интригами и непонятными многоходовыми комбинациями по отношению к подчиненным производственным предприятиям связи. Возвращенный производственным предприятием он просто не мог приспособиться к атмосфере управленческого высокомерия источаемой многими сотрудниками вновь обретенного им коллектива по отношению к таким же, как он связистам, но

остававшимся работать на этих самых производственных предприятиях. Он мучительно искал выхода, его по-прежнему тянуло на производство и вот, кажется, этот выход нашелся. С этим он ко мне и пришел.

— Виктор Васильевич, у вас освободилась должность вашего заместителя, и я хотел бы с вами поработать.

Моя реакция была сдержанной. Я уже свыкся с тем, что должность заместителя с уходом Белявской Е.Е. и осуществленной реорганизацией, Управлением связи автоматически будет сокращена как излишняя.

— Владимир Яковлевич, да кто же мне позволит иметь Зама. Масштаб нынешней ГТС вряд ли к этому располагает.

— Виктор Васильевич, а что Фенин по этому вопросу с вами не разговаривал? — Журба несколько смутился, — ведь он мне эту должность и предложил...

И он рассказал о своей неудовлетворенности работой, о беседе на эту тему с Фениным и о предложении, исходившем от Фенина — перейти на ГТС ко мне в качестве помощника.

Нет, Фенин не бросил меня на произвол судьбы. Я не просил его о сохранении должности зама, и то, что Андрей Алексеевич самостоятельно посчитал её не излишней — дорогого стоило. Да

еще и достойного человека на эту должность подобрал!

Наверное, я все-таки выглядел растерянным. Почувствовав это, Владимир Яковлевич со свойственной его характеру эмоциональностью произнес

— Виктор Васильевич, я накушался хлеба начальника, первого руководителя. А вот навыки руководителя теперь у меня в крови. И я хотел бы иметь достойный моего опыта участок работы, участок не связанный с необходимостью ходить по райкомам, горкомам. Я не боюсь ответственности. Но ответственность первого руководителя для меня тяжела. Поручите мне хозяйственные вопросы, вопросы транспорта и поверьте, я буду для вас очень хорошим помощником. Думаю, вряд ли в вашем окружении найдется человек, так хорошо понимающий проблемы руководителя — как я. И, исходя из этого понимания — в связке с вами я и буду работать.

Впервые за много лет ко мне пришел человек искренне желавший работать на руководящей должности. Очень дельно рассуждающий человек. Человек, предложивший мне помощь в решении именно тех вопросов, которые так и не смогла взвалить на себя и так и не осилившая ноши Зама, Белявская. Человек, чей опыт предыдущей работы мне хорошо был известен, не равнодушный

человек. Разве мог я отказаться от возможности работать с ним. Я просто все еще не мог поверить своей удаче.

— Владимир Яковлевич, я с удовольствием приму вас к себе. Уж точно, — скучать на ГТС вам не придется. Но ваше назначение полностью зависит от Фенина.

— Ну, значит, мы с вами поработаем, облегченно вздохнул Журба, пойду оформляться...

И действительно, спустя некоторое время позвонил Андрей Алексеевич и о как свершившемся факте уведомил меня о том, что Заместителем ГТС назначен Журба Владимир Яковлевич.

— С самого начала вновь созданное предприятие надо укреплять, — изрек он.

В этом вопросе я с Фениным был полностью согласен.

Не ушло много времени на распределение обязанностей между мною, Журбой и Макарычевым. Родился приказ, строго разграничивший полномочия, ответственность и взаимодействие. Все идет к тому, что в должности начальника ГТС мне действительно работать будет легче...

Глава 5

Все варится в едином котле. Не успел я порадоваться перспективе обретения дельного помощника — тут же возникла серьезная кадровая проблема в цехе АТС. В середине февраля робко, приоткрыв дверь в кабинет, протиснулся, заметно припадая на больную ногу, начальник цеха АТС Нурахметов Аскар. Бросилось в глаза напряженное выражение на его лице, и глаза, излучавшие решительные намерения. Нет, совсем не робко открыл он дверь кабинета. Сейчас он не был похож на того скромного старающегося быть незаметным человека — каковым он и был в обыденности. Как бы заранее одетый в броню, защищавшую его от возможных нападков с моей стороны он, даже не поздоровавшись, наверное, от волнения, вялой походкой совсем не гармонизировавшей с решительностью, написанной на его лице, проковылял к моему столу и молча, протянул мне лист бумаги. Это было заявление об увольнении.

Для меня этот шаг со стороны Нурахметова оказался совсем неожиданным. Переживаемое предприятием время совсем не располагало к тому, чтобы разбрасываться кадрами, тем более руководящими. Потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить преподнесенный работником сюрприз.

Я пригласил Аскара присесть, что он нехотя и сделал. В голове стремительно прокручивалась

история взаимоотношений с ним. Не дал ли я личного повода для предпринятого им шага. Еще до моего прихода на ТТС руководством был дан шанс Нурахмтову, поработать в должности заместителя начальника. Осознав свою неспособность нести эту очень тяжелую ношу, он через некоторое время добровольно от неё отказался. С обязанностями начальника цеха АТС, в принципе, справлялся, получивший в институте основательное базовое образование, постоянно наращивал опыт инженера-практика. Да, старался не выделяться. Да — очень трудно вытягивать из него слова и мысли. Да, — явно не лидер и не общественный человек, но как специалист — свой вес активно набирает, безусловно, честный и ответственный человек, — старается, хотя и без особого желания, без особых инициатив свои обязанности исполнять. Средний руководитель. Сейчас таких — большинство.

Нет, не давал я ему повода усомниться в его способностях как руководителя цеха. Года полтора назад, во время ликвидации последствий пожара на вверенной ему АТС-66, он продемонстрировал полную беспомощность, в решении вопросов, связанных с чрезвычайными обстоятельствами. Но это продемонстрировал не только он, и вполне возможно, тогда он просто не успел пробудить необходимые качества. А уже потом, просто не смог подстроиться под инициативы своего

непосредственного руководителя. Неглупый человек, четко осознающий свою личную ответственность за возникший пожар, он тогда сильно перепугался, не смог совладать собой, сжался до полной незаметности и безучастно положился на судьбу.

В процессе восстановления станции я отметил для себя и запомнил действия многих людей, и героические, и прямо скажем, нехорошие действия. А вот Аскар Накишевич в те очень непростые тревожные и напряженные часы и дни просто выпал из моего поля зрения. Выпал и исчез. Слава богу, тогда все закончилось хорошо. Виновных искать не пришлось. Но Нурахметов после пожара стал еще более тихим и более незаметным.

Первое время, тогда, явственно ощущая его напуганность, я ждал от него заявление об уходе. Но он тогда этого, казалось бы, так логичного шага — так предпринять и не смог. В душе я его понимал — с искалеченной ногой не так-то просто найти мужчине подходящую работу. Место начальника цеха на очень солидном предприятии — несомненная удача. Это и утверждение собственного «Я», и размер заработной платы, и возможность в тепле, в нормальных и даже комфортных условиях выполнять непосредственно любимую инженерную работу в соответствии с избранной профессией. Наконец, работа начальника

такого цеха как цех АТС — это, безусловно, творческая работа. Что еще надо?.. Особых упреков за случившееся Нурахметов не получил и постепенно все уладилось само собой. И вот — демарш.

Трудно вытягивать слова из Нурахметова. Взвинченный и накрученный сам собой — он цедит слова сквозь зубы, напряженность на лице причудливо сочетается с маской странной отрешенности. У меня такое ощущение, что это я виноват в том, что он покидает коллектив. Внутри меня закипает злость — мне хочется высказать все, что я о нем думаю, но мне нельзя этого делать, я сдерживаю эмоции. Мои попытки докопаться до его души до истинных мотивов предпринятого им шага разбиваются о возведенную им броню. Наш разговор неуклонно скатывается в рамки обыденной казенщины.

— Что не устраивает вас в вашей работе...

— Я просто САМ не хочу здесь работать ...

— Так может быть, останетесь работать просто инженером...

— Нет, я увольняюсь совсем...

— И куда же вы пойдете работать, если не секрет...

— Я уйду в строительную организацию, в СМУ Телефонстрой.

— Но там же командировки, там

неустроенность быта...

— Ну и что, другие работают...

Нурахметов откровенно тяготится разговором, его раздражение нарастает. Нет у меня шанса взломать его оборону. Становится очевидным, — решение им продумано основательно и принято окончательно. Струсивший полтора года назад Нурахметов так и не сумел преодолеть страх ответственности, все время сопровождавшей его на АТС.

— Хорошо, я подпишу ваше заявление, готовьтесь передавать дела Гаврилюк Флере... Но имейте ввиду, когда вы надумаете вернуться назад, если это будет от меня зависеть, я вас обратно на работу не приму.

Нурахметов знает, что я сдерживаю данные обещания, но и это предупреждение его не останавливает.

Досадно, на совершенно неподвижном месте возникла серьезная кадровая прореха. Конечно, некоторое время Гаврилюк Флера поруководит цехом, но на постоянную работу начальником она точно не согласится...

Несколько дней мы тщательно взвешиваем и обсуждаем с главным инженером способности потенциальных претендентов на руководство цехом. Совсем невелик выбор, а если говорить прямо — его просто нет.

У Макарычева что-то зреет... Знающий на предприятии подноготные всех и вся, он предлагает на первый взгляд ну совсем парадоксальный вариант:

— А что если возглавить цех мы предложим Шмидту.

Я недоуменно вскидываю брови: — что еще за Шмидт?.. Мне эта фамилия ни о чем не говорит.

— Ну как же, Виктор Васильевич! Он сейчас работает в должности инженера, на новой АТС, на Северной промзоне. Вы с ним встречались.

У меня перед глазами выплывает серенький мужичишка с бесцветными глазами, какой-то неухоженный с виду, но очень внимательно слушавший указания, которые я давал ему при посещении новой станции.

— Александр Николаевич, ну какой же из него начальник — из него же так и выпирает необразованность, он же, по-моему, даже несколько слов связать не может — а только при разговоре, мычит что-то невнятное...

— Э...э, не говорите так Виктор Васильевич! Это парень с амбициями и характером, и специальное образование у него есть, он, кажется, окончил техникум связи.

Да, действительно, в одном из тех мимолетных разговоров Шмидт успел сообщить мне, что мы с ним почти земляки. Он учился в

техникуме во Фрунзе, в трехстах километрах от Джамбула — моей родины, и там же в Киргизии несколько лет работал кабельщиком-спайщиком... Прямо так и выразил радость:

— Виктор Васильевич, а мы ведь земляки...

А Макарычев продолжает:

— Я считаю, что начальником цеха АТС должен быть все-таки мужчина, а Шмидт уже достаточно поработал в цехе и хорошо его знает. Он достаточно жесткий мужик и я имел возможность на практике проверить в процессе монтажа телефонной станции на УМР, как он может организовать людей и добиться от них исполнения порученной работы. В одном из разговоров со мной он как-то выразился, что ему скучно просто работать на АТС. У него, Виктор Васильевич, есть стремление к росту, — он это не скрывает...

Макарычев раскрывает свое видение на Шмидта со всех сторон и в его предложении просматривается явный резон. Ну а то, что на вид он невзраченький — так с лица же воду не пить...

Я не очень согласен с Макарычевым, что руководить цехом АТС должен обязательно мужчина, но и из женщин, работающих на АТС, лидера пока не просматривается, а если вообще из мужчин выбирать, то их там, раз-два и обчелся.

— Ладно, приглашайте Шмидта, посмотрим,

чем он дышит.

С интересом рассматриваю сидящего передо мной человека. Из его личного дела знаю, — он всего на год старше меня, а вот выглядит гораздо старше. Этот вид придает ему рано начавшая лысеть голова, жесткие еще непокорные редкие пегие волосы разрозненными пучками разбросаны по ней. Отсюда — и неряшливый вид, и невзрачность...

Но то, как он держится — мне нравится. Он, конечно же, знает, с какой целью его пригласили, безусловно, волнуется, но это волнение проскальзывает, если только тщательно присмотреться. Немногословный, он растягивает речь, подбирая слова, но мысли свои формулирует четко. Приятная неожиданность — в общем-то, из тщедушного вида, с лица выбивается открытый смелый взгляд. Чувствуется внутренняя уверенность этого человека в своих силах и продуманная осознанность согласия на предлагаемую ему работу.

Задаю ему прямые открытые вопросы:

— Александр Семенович, коллектив женский, требует особенных подходов к управлению, — не боитесь?.. Несмотря на тот опыт, который у вас имеется, вам придется очень многому учиться вновь, и на ходу, — сможете?... И вообще, как вы ощущаете себя внутри, — нагрузку ведь взвалите

серьезную, — справитесь?..

— Не боюсь,... смогу,... справлюсь...

Много дел у цеха АТС. Есть надежда, что Шмидт Александр Семенович действительно сам поработавший и кабельщиком и монтером уверенно впишется во взаимоотношения с линейно-кабельным цехом, усовершенствует взаимоотношения подчиненного ему кросса с бригадами линейщиков, найдет общий язык с Висящевым.

И все-таки самой главной тактической задачей поставленной перед этим цехом остается поставленная еще в прошлом году задача — нарастить монтированную емкость АТС-4.

Но и этого мало, для выполнения плана по установкам телефонов на первый квартал. Для этого, даже при появлении на АТС-4 свободной емкости, не хватит линий. Поступившего оборудования по объектам развития достаточно и надо срочно форсировать монтаж стоек для включения спаренных телефонов на АТС-7 в Юбилейном микрорайоне. Очень уж там большой спрос на установку телефонов и возможности по спариванию телефонов установленных у абонентов в многоэтажных домах велики. Ход выполнения этой работы и будет пробным камнем для вновь испеченного начальника цеха АТС — Шмидта Александра Семеновича.

Глава 6

Случился казус. Фенин Андрей Алексеевич досадливо морщится и чертыхается на своих помощников. Оказывается, городскому предприятию дали неправильное название. Помню, при образовании Телеграфно-телефонной станции среди связистов тоже шли споры, — как же правильно? Телефонно-телеграфная, — ведь количество телефонов на предприятии значительно превышает число телеграфных установок, или все-таки — Телеграфно-телефонная?

Сошлись — на последнем. Ведь начало развитию электрической связи положил телеграф. Значит, этому слову по праву и принадлежит первое место.

Городская телефонная станция... Нет, неправильно! Все-таки проводная линия начала использоваться гораздо раньше коммутатора. Да и основу городской связи составляют линии, — воздушные и кабельные, а еще — все более разветвляющаяся телефонная канализация. Все это в целом — телефонная сеть. Значит и предприятие должно называться — Городская телефонная сеть.

Андрей Алексеевич сокрушенно вздыхает:

— Надо все привести в соответствие. Придется вашему кадровику вписать изменение по

названию предприятия в трудовые книжки работников. Будет дополнительная запись.

— Ну что же, раз надо Андрей Алексеевич, — сделаем...

Несмотря на явственно ощущаемые, лежавшие на поверхности, видимые невооруженным взглядом, серьезные успехи, достигнутые Линейно-кабельным цехом, взаимоотношения Висящева с экономическим отделом по-прежнему напряжены. Не обходится без трений. Вот и сейчас он возмущается бездушным отношением экономиста Мурносовой к работникам цеха.

— Ну как же так, Виктор Васильевич, — всем выплатили тринадцатую зарплату, а вот кабельщику Муметжанову она не положена. А ведь он добросовестно, полный год у нас отработал. Работал старательно и с желанием. Мурносова категорически против выплаты ему годового вознаграждения.

Я понимаю, что формально Курносова права — работающий у нас Муметжанов по особому договору с исправительным учреждением, где он отбывает наказание — конечно же, не входит в списочный состав коллектива. Личный вклад кабельщика Муметжанова весом в достигнутом успехе — это неоспоримо. Я тоже на месте

Висящева не смог бы внятно объяснить — почему ему за равный с нынешними товарищами труд лишь на том основании, что он находится в чрезвычайных жизненных обстоятельствах — положено платить более низкую зарплату. Ему и так выплачиваются крохи — ибо большая часть его заработка отчуждается исправительным учреждением. Большой срок отбывания наказания у Муметжанова. Как минимум, год он еще может работать на телефонной сети и, безусловно, будет ей полезен. И очень немаловажно чтобы и так наказанный судьбой работал он в нашем коллективе с ощущением полноправного человека.

— Александр Дмитриевич, принесите мне представление, я подпишу.

Моя положительная резолюция на документе — не является для Мурносовой достаточным основанием для исполнения. Она сбивчиво, ссылаясь на Коллективный договор, пытается доказать мне неправомочность принятого решения. И это в отношении оценки труда достойно работающего человека с дефицитной и так нужной предприятию профессией!.. Но она уже научилась чувствовать рамки, за пределы которых во взаимоотношениях со мной переступать не следует. Случай с Муметжановым — не тот случай, из-за которого нужно идти на рожон.

— Хорошо, Виктор Васильевич, — под вашу

ответственность... — многозначительно срываются с её губ слова с характерной хрипотцой.

Голос мой наливается металлом:

— Любая мелочь происшедшая на предприятии — это моя ответственность. Сделайте так, чтобы законность при исполнении моего распоряжения нарушена не была.

Вечером этого же дня я с удовлетворением подписываю подготовленный приказ о выплате годового вознаграждения Муметжанову.

Вообще-то, с экономической точки зрения, положение предприятия после реорганизации оказывается довольно крепким. И экономист Мурносова и главный бухгалтер Пильникова уже прошли школу реорганизации при разделении Городского узла связи на Почтамт и Телеграфно-телефонную станцию в 1976 году. Тогда, по многим экономическим позициям, в выигрыше оказался Почтамт с опытным Селиным С.И. оставшимся им руководить. Сейчас же, перед Управлением связи, они очень четко обосновали, и смогли отстоять жизненно важные для нового старого предприятия параметры и фонды.

Заложенный базовый фонд оплаты труда позволяет уже в начале года ключевым работникам Городской телефонной сети назначить различные доплаты к установленным должностным окладам. Такие доплаты получают 37 специалистов. Это все

рядовые работники и инженеры. Многие из них получали доплаты и ранее — за расширенную зону, за высокое профессиональное мастерство, за совмещение профессий.

Но вот чтобы установить доплату к окладу начальнику цеха — такого на Телеграфно-телефонной станции не было с начала её основания. А ведь именно эта прослойка специалистов — руководителей, на своих плечах в условиях, постоянных высоких психико-эмоциональных нервных перегрузок, организует физическое исполнение возложенных на предприятие задач.

Но почему-то уровень растраты душевных сил, как правило, присутствующий у руководителя фактор стресса, при постоянном общении с людьми, находившимися в подчинении, и особенно с людьми, потребляющими услуги предприятия — не принято оценивать адекватно. Наверное, поэтому — вряд ли в ближайшее время на руководящие должности цехового звена на предприятиях связи, да и не только на них возникнет хотя бы мало-мальский конкурс.

Сначала я над этим особенно не задумывался. Но вот уже года полтора мне совестно, что теперь уже без всяких сомнений, мой самый преданный делу и самый лучший начальник цеха Висящев Александр Дмитриевич в материальном плане

оценивается хуже других моих начальников, на деле, являясь для меня самым ценным помощником и человеком, безусловно, самым надежным из окружающих меня людей.

Он умный человек и конечно понимает разницу в весе своего груза и груза, к примеру, начальника цеха радиоузла. Но он еще, ни разу не заикнулся передо мной о размере своей заработной платы. Скромный самодостаточный человек возится с самой большой своей приобретенной ценностью — желтым Запорожцем, постоянно его ремонтирует... А ведь у него — трое взрослеющих дочерей...

Заморочки условий премирования до сих пор не позволяли мне выделить его по уровню заработной платы, но сейчас, когда возглавляемый им цех, наконец, вышел на НУЛЕВОЙ уровень повреждений, я просто не могу не внести коррективы в систему оплаты труда Висящева. И как хорошо, что я это могу сделать до того, как он меня об этом попросит, хотя вероятность такого шага со стороны Александра Дмитриевича — бесконечно мала.

Обсуждая этот вопрос с Макарычевым, встречаю его полное одобрение.

Подключаем к обсуждению Мурносову. Это совсем необычно для неё, но едва вникнув в суть вопроса, она тут же, соглашается с моим

предложением.

— Мы ему сделаем надбавку к окладу. Сколько скажете, столько и дадим... — с готовностью произносит она.

Теперь уже и даже для Мурносовой очевидно, что Висящев бесспорно внес, наиболее весомый вклад, в ходе решения задачи по выводу предприятия из затяжного кризиса. Вот только почему она, как экономист, ходатайствуя передо мной о повышении заработной платы многим, часто даже абсолютно незаметным работникам — ни разу не упомянула о необходимости справедливо оценить труд самого ключевого начальника цеха...

— Ну вот, и решили! Надбавку устанавливаем на весь год, в размере — 25 рублей к окладу. Это для него будет весомой прибавкой. Александр Николаевич, — сообщите Висящеву это известие. Мне самому сказать об этом ему как-то неудобно...

Валентина Васильевна и тут остается самой собой:

— А может, стоит и другим начальникам цехов установить надбавки?..

— Нет, — отрезаю я.

Глава 7

Планы и намерения на ближайшее будущее рушатся в один миг. Прямо на работу мне

доставляют повестку из военкомата — в ней указана необходимость срочной явки. Я досадливо морщусь. Опять военком Порошкевич, потрясая полномочиями военного ведомства, будет выбивать новые установки телефонов, для нужд военкомата, на голом месте.

На деле все гораздо серьезнее. Называется статья Закона, в соответствии с которой я обязан пройти двухмесячные армейские сборы переподготовки для офицеров запаса. Тут же вручается направление для прохождения медицинской комиссии — и ... время пошло. Четко работает военкомат.

Бессмысленно гадать — то ли это мелкая месть Облвоенкома Порошкевича неуступчивому руководителю — связисту, то ли действительно — плановая подготовка офицерского состава. Суть дела не меняется. Призвать меня на военную службу у государства есть все основания.

Глупо отказываться. За время нахождения в мобилизационном списке офицеров запаса первой категории — вероятность призыва все время будет нависать дамокловым мечом. Так лучше, уж раз требуется, — отслужить и потом, быть спокойным, по крайней мере — в мирное время. Те более что и призыв-то данный — не на полную службу, а на рядовую переподготовку.

Вот только время выбрано крайне неудобное.

И эта реорганизация на работе, и положение моей семьи, и собственное самочувствие...

Я твердо решаю для себя — уклоняться не буду.

Докладываюсь о видах на себя — военных, первому секретарю Горкома Дымченко и Генеральному директору ОПС (теперь это не ПО ОПТУС, а ОПС — Областное предприятие связи) Фенину А.А. Не вижу с их стороны озабоченности. Это и понятно, они реально ощущают — связь в городе стабильна как никогда. Да и главный инженер показал, что справляется с делами во время моих отпусков — а два месяца — не такой уж великий срок, и за два месяца — он справится.

Но вот как я о своем решении скажу жене... После декретного отпуска она уже в полную силу работает на Автоматической междугородной станции (АМТС) и вот, на целых два месяца я оставляю её одну, с двумя малолетними детьми.

Олечке — три с половиной года, Лене — нет и трех. Благо — рядом находится детский садик, метрах в трехстах от дома. Благо — дети не болеют и с удовольствием в этот сад идут. Но как их двоих тащить туда — как их забирать вечером. Ведь на улице — зима. Детей надо хорошо и тепло одевать — что тоже не просто... Необходимо забежать в магазин, отстоять в очередях, запастись продуктами... Как все это сделать одной...

Сейчас наши дети — поделены, я большей частью на руках уношу Лену в садик, вечером же медленно топая кривыми ножками пухленьким медвежонком, путь домой она уже часто совершает сама, хотя надо обладать терпением и волей, чтобы побудить её к этому. С Ольгой — несколько проще, хотя и она тоже может проявить капризы.

Рома воспринимает необходимость моего отъезда стойко. Но я вижу в глазах её растерянность и даже беспомощность. Она тоже не может взять в толк — как ей, одной, управляться с двумя маленькими дочурками. После длительного отпуска по уходу за детьми ей даже в голову не приходит мысль — взять отпуск без содержания, она просто не может себе этого позволить, ибо у неё тоже масса накопившихся на работе проблем — смотрит на меня потерянными глазами, дрожат у неё губы, — но она не позволяет себе плакать.

Ей действительно никто не поможет, ни все еще работавшая на своем элеваторе мать, ни перегруженная собственными проблемами — сестра. Но она видит мою решимость и смиряется со сложившимся положением. Ей, после перенесенных операций, с очень сильно севшим зрением, категорически нельзя носить тяжести. Она не может представить — как будет управляться с Леной. Все еще, смутно представляя всю тяжесть вдруг свалившегося на неё груза, — Рома, собрав

всю свою волю в кулак, успокаивает саму себя — ладно, как-нибудь справлюсь...

До меня вдруг доходит, — что со мной сделается в этой командировке? Это не меня, это мою жену военкомат наказал, — и наказал сурово... За что?

Рома даже не напоминает о том, что я могу представить в военкомат документ о наличии двух малолетних детей, который наверняка может отменить мой «призыв». Она тонко чувствует, что не в моем характере — делать подобные шаги, и не осуждает меня за это.

— Не беспокойся... — справлюсь, пытается она бодриться...

Рома переключает внимание на мое состояние. Она видит, что сам я болен. Вот уже две недели непрерывно кашляю. От частых изматывающих спазмов горит горло, верхняя часть груди. Нет времени пойти в больницу, да и не любитель я — созерцать белые халаты.

Лечит меня жена подручными средствами — горчичниками, травками, да горячим, чаем с малиной. Правда в последние дни кашель идет на убыль. Во время прохождения медкомиссии, рассматривая снимок после рентгена, врач все же констатирует что — «легкие в норме», но сокрушенно качает головой...

— Вам надо лечиться — у вас же бронхит...

— Уже проходит — легкомысленно роняю я, — мне надо в армию.

Не пытаюсь даже себя разубеждать — внутри меня, действительно, находится сила, неудержимо влекущая в армейскую жизнь. В этой силе и несбывшиеся детские и юношеские мечты об армии, в этой силе и необходимость оторваться от сумбурности неожиданной реорганизации, и хоть в неординарной обстановке, но осмыслить внутреннюю неудовлетворенность недавним назначением. В этой силе — настоятельная потребность самому почувствовать наконец — что же такое — армия.

Я четко понимаю жестокость своего решения по отношению к жене, но не могу ничего с собой поделать...

Даны последние наставления Макарычеву, Висящеву. Самое главное, что от них сейчас требуется — подготовиться к паводку, который обещает быть обильным. Как никогда — хорошая основа заложена, буквально завоевана для этого. 25 февраля — на сети всего лишь одно кабельное повреждение.

Много снега на улице. В обеденное время на нём, ярко освещенном солнцем, уже начинающим наливаться весенним жаром — в образовавшейся поверху корочке зримо начинают поблескивать капельки возрождавшейся воды. Пройдет

полмесяца, и опять на ГТС начнется битва с коварной, проникающей всюду влагой. На этот раз эта битва пройдет без моего участия. И мне очень тревожно за её исход.

Билет в кармане. На груди, под теплым свитером, приклеены два согревающих перцовых пластыря. Все еще кашляющий, с все еще взмокающим от пота — лбом, я пристегиваю себя ремнем к креслу готовившегося взлететь самолета.

Часть вторая. ПАРТИЗАН

Глава 8

29 февраля мне надо быть в части. Часть расквартирована в городе Семипалатинске. Военкоматом строго предписано — опоздание недопустимо. Расклад времени для меня удачен. Рано утром, 28 февраля, в воскресенье, ЯК-40 отправляется прямым маршрутом на Семипалатинск, и часикам к двенадцати я уже буду на месте.

Близость соприкосновения с армией заставляет задуматься, а что же собственно о нынешнем положении армии я, как рядовой обыватель, знаю. В обществе по отношению к

армии происходит переоценка. Это чувствуется. Как-то незаметно прошли времена, когда почти каждый взрослеющий юноша готовился к испытанию армией, и понимал это как доблесть. А сейчас все чаще и чаще поговаривают о дедовщине. Рвение отслужить в армии тает у молодежи на глазах.

Подливает масло в огонь явно затянувшаяся война в Афганистане. Очень скупо пресса освещает процессы, происходившие в этой дикой стране. Но всем известно, что нашим солдатам там явно не сладко. Нарастает понимание, какой-то безысходности от продолжающейся без видимого конца, борьбы с все более ожесточающимися и наращивающими сопротивление афганскими племенами. Высокопарные слова об интернациональном долге уже никем не воспринимаются серьезно.

Тем, кто хоть немного интересуется политикой — понятно, что идет борьба за влияние на территориях расположенных непосредственно вблизи от наших границ. И в случае ухода наших войск — влияние в Афганистане будет американское.

Самим афганцам от этого будет ни тепло, ни холодно. А нашу армию, ограниченный контингент, они бьют за то, что мы свое влияние распространяли на эту страну очень уж неуклюже

— топорными методами.

Слишком очевидно, что Афганистан не без заинтересованной помощи извне, превратился в наш советский «Вьетнам» и все происходящее там, в отношении нас точь в точь, идет по сценарию, разыгранному в семидесятые годы вьетнамцами по отношению к американской армии. Явно американцы берут реванш за свою проигранную вьетнамскую войну.

Все масштабнее и масштабнее провозглашаются задачи Перестройки. Замышлявшаяся как Перестройка остро нуждающейся в реформировании экономической системы страны, она явно расширяет свои аппетиты, ей уже тесно в рамках решения только экономических проблем.

Нарождается сестра Перестройки — Гласность. Она врывается в общество и прожорливо перемалывает и выдает народу все новые и новые сведения о темных сторонах жизни страны. Это все безумно интересно — но ведь одним обсуждением наших промахов дело не ограничится. Непременен в качестве реакции на «обнародованные негативы» последует реакция, в том числе и от рядовых граждан. Какая это будет реакция...

Почему-то вспоминаются декабрьские события 1986 года, когда с помощью

взбудораженной толпы на площади в Алма-Ате, заинтересованные лица попытались решать сложнейшие вопросы управления Республикой, средствами, краеугольным камнем которых, явилась национальность вновь назначенного руководителя.

Перед глазами стоят вдруг изменившиеся лица моих товарищей по работе — казахов по национальности — Нурканова Кайрата, Айсина Жени, старейшей работницы Кокмановой Бану Кокмановны. Они как-то вдруг сжались тогда. На лицах — при встрече, выражение настороженности, хотя лично никакого отношения к событиям того декабря они не имели.

Но ведь это представители казахского народа открыто проявили националистические настроения — в том числе и в Синегорске, и связистам — казахам стыдно за это. Мне их состояние было близко и понятно — и я внутренне сопереживал им. Мне, немцу по национальности — подобное тоже приходилось переживать...

Буквально в последнее время появляются скудные сведения о нарождающихся претензиях друг к другу азербайджанцев и армян. Камнем преткновения всплывает какая-то Нагорно-Карабахская автономная область. Кто из рядовых советских людей знал о существующих проблемах в национальных взаимоотношениях в

этой Области ранее...

Смутной тревогой тянет от событий, происходивших в стране в последнее время...

Глава 9

Самолет по расписанию приземляется в аэропорту Семипалатинска. Адреса, где располагается нужная мне военная часть, я не знаю. Поэтому разыскиваю областной военкомат, думаю — там мне подскажут необходимый маршрут.

Воскресный день. Полдень. Дежурный военкомата — рассмотрев предписание, отмахивается:

— Нас это не касается, вам надо прибыть непосредственно в воинскую часть.

— Ну, вы хотя бы подскажите, где эту часть искать, ведь в предписании ясно же указано что она располагается в Семипалатинске.

Дежурный минут пятнадцать выясняет по телефону местоположение части и наконец, сообщает, что она находится километрах в десяти от окраины города, и на вопрос — как туда добраться — говорит, что рейсовый транспорт туда не ходит.

— Наймите такси — советует он.

Ну что ж, такси так такси — не болтаться же ночь в незнакомом городе.

По улицам гуляет, и все сильнее разыгрывается поземка и после почти часового поиска — удается, наконец, найти водителя, знающего, где располагается злополучная часть и с трудом за плату в оба конца согласившегося меня туда отвезти.

Пустынная загородная дорога, вызывая тревогу, обрастает переметами — но такси резво пробивается вперед. Часиков в шестнадцать водитель высаживает меня у ворот КПП какой-то части, разворачивается и уезжает. У меня ощущение, — что в поле располагается военная часть — прямо в поле.

На КПП явно не ждут гостей. Похоже, я явился на сборы первым. Старший наряда — сержант, долго изучает предписание и, наконец, изрекает:

— И что же вы хотите, — вам же указано явиться 29 февраля, то есть завтра, — вот завтра и приезжайте.

Поземка разыгрывается все сильнее. Сразу за КПП завывает настоящий буран. В предписании указано, что в часть явился старший лейтенант — офицер. Дежурный понимает, что его формальный ответ не может быть принят. Откуда-то из глубины территории вызывает на помощь старшего лейтенанта и вместе они пытаются решить, что же делать со мной.

В дежурке тепло. Пышет жаром раскаленная печь и мне совсем не хочется из неё уходить. Неопределенность в отношении меня затягивается, и в душе я клянусь себя за проявленную пунктуальность, и неумение опаздывать.

Часа два длится неопределенность, наконец, военные выясняют, что сборы офицеров запаса с завтрашнего дня действительно начинаются. На улице уже темнеет, и старший лейтенант сопровождает меня к имевшемуся на территории части офицерскому общежитию — смутно видневшемуся вдали.

Пустая неухоженная комната, четыре кровати с панцирными сетками, матрацы, грубые одеяла, обшарпанный столик. Солдат приносит комплект постельных принадлежностей.

— Располагайтесь. Определяться будете завтра, — старший лейтенант оставляет на столе ключ от комнаты и уходит.

Ну что же, и на том спасибо, мне бы ночь подержаться...

Действительно, — продержаться!
Температура в комнате — не более десяти градусов. Тусклый свет одинокой лампочки на потолке — сгоряча после жаркой каптерки раздевшись, я вынужден снова натянуть на себя пальто. Опять разыгравшийся было кашель, — стихает.

Делать нечего, голодный, расправляю постель

— остается только спать. Одеяла недостаточно чтобы согреться, нахлобучиваю поверх его свое пальто, укрываюсь с головой — постепенно ощущение озноба проходит. Жить можно. Да-а, хорошо встречает меня армия..., а вообще, кому до меня есть дело в воскресенье.... Ладно, утро вечера мудренее, — я проваливаюсь в сон.

Рано утром еще не рассвело — меня вырывает из постели стук в дверь — прибыл еще один «рекрут». Он из Павлодара и тоже, очень боялся опоздать, и тоже, такими же методами, как и я — с трудом нашел часть, и с трудом уговорил таксиста — доставить себя к ней. Мне становится легче. Слава Богу, не одному придется «мыкать горе».

Окончательно все проясняется утром. В комнату входит моложавый подполковник представляется как руководитель сборов, сообщает, что на них должны прибыть двадцать пять запасников.

— Жить будем здесь в общежитии, заниматься будем — в основном, тоже в общежитии. Программу я сообщу позже. Сегодня, — день заезда и обустройства, — решает он. А пока вам надо стать на довольствие.

Да, действительно, перекусить бы сейчас — в самый раз. Хотя бы чайку горячего хлебнуть...

Наконец в штабе, который располагается рядом с общежитием, в приспособленном щитовом

домике, регистрируют наше прибытие.

Подполковник разыскивает старшину, распоряжается выдать нам обмундирование, показывает, где располагается солдатская столовая — сообщает о режиме её работы.

— Там для вас будет накрыт отдельный столик, — сообщает он.

Подполковнику некогда, у него масса своих дел. Он оставляет нас на попечение старшины и уходит.

Огромный склад в основательно оборудованном полуподвальном укрытии — чего там только нет. Мы подбираем под свой размер обмундирование.

Нательное белье, гимнастерка, штаны — галифе. Сапоги, портянки, шинель... — все солдатское, погоны — офицерские.

Мой новый товарищ, — Володя, он из Павлодара и совсем не связист, а строитель — сообщает — таких как мы призывников называют в народе — «партизаны».

Понимая, что в месте нашего нового проживания вряд ли будет теплее, — буквально вырываем у старшины — дополнительно, по комплекту тяжелых, из верблюжьей шерсти — одеял.

Столовая — закрыта, теперь она откроется только в обед и у нас есть время заняться

подгонкой обмундирования и переодеванием.

Слава Богу, у меня богатая, из детства, практика наматывания портянок и совсем не пугает жесткость кирзовых сапог. Я хорошо знаю, как обходиться с ними, да и белый подворотничок на гимнастерку подшить, — не проблема. Володя тоже не отстает, в отличие от меня он когда-то служил в армии — солдатом.

Проходит не более часа и вот оба мы облачены в одежду цвета хаки. На погонах — по три звездочки, в петлицах — кому что нравится. По слухам — мы находимся на территории танкового полка, поэтому у меня — танк. Солдатский ремень — по талии. Непривычно себя ощущать в военной форме, но сразу чувствуется — она удобна. Гражданскую одежду нам приказано сдать на хранение в склад, что мы и делаем.

Время до обеда пролетело незаметно. В очень просторной столовой деревянные столы, каждый — человек на десять, — облеплены солдатами. Дневальный проводит нас к нашему столу. Здесь уже стоит посуда и во главе стола — огромная кастрюля с рассольником — на целое отделение. На второе — макароны по-флотски. Нас всего двое — а еды — ешь, не хочу. Даже без учета того, что мы проголодались, обед хоть и прост, но вкусен. Жить можно.

После обеда опять появляется подполковник

— придиричливо оценивает наш изменившийся внешний вид и остается доволен. Сообщает, что прибыло еще шесть человек — тоже сейчас обустройстваются.

— Ну что же, — занятия начнем завтра, — на сегодня можете быть свободны. И чуть помедлив, добавляет: — территорию части — не покидать. Водку не пить.

— А что, отсюда можно как-то выбраться — искренне удивляемся мы.

— Конечно, — утром и вечером в город уходит и возвращается армейский автобус...

— Товарищ подполковник, а в общежитии всегда так будет холодно?

Офицер шупает руками стылую батарею:

— В части напряженка с топливом, но у нас своя кочегарка. Семейные офицеры, проживающие в общежитии, на холод не жалуются.

— А кто работает в кочегарке?

— Солдаты...

— Явно дрыхнут солдаты, особенно по ночам, — умудренный опытом собственной службы, констатирует Володя.

Подполковник, похоже, соvestливый. Ему явно неудобно от нашего замечания, но вопрос отопления общежития не входит в его компетенцию. Он обескуражено разводит руками — так и живем... Сославшись на дела, — уходит.

Одеяла, которые нам выдали со склада, наверное, лежали там без движения лет десять. Они буквально пропитаны многолетней пылью. Пока мы их тащили, сложенными в стопку, со склада в комнату — это не замечалось. Но стоило их только развернуть — вокруг, сразу же образовалось пыльное пространство. Их невозможно даже нормально трясти на улице, — хлопок и возникает тучное облако пыли, от которой некуда деться. Ветра нет, невозможно дышать. Разок встряхнув, бросаем одеяло, отскочив в сторону. Поднимаем — опять хлопок — и опять одеяло на пол. Постепенно пыли становится меньше, но выбить её до конца — похоже, бесполезная затея. Так с перерывами — боролись за чистоту минут сорок. Руки — как у кочегаров, на лицах — пыльные маски. От белого снега на полянке не осталось и следа — так, грязно-серая местность. Но согрелись — невероятно.

Больше до вечера — делать нечего. Постепенно знакомимся. Володя — моего возраста. В армии служил радистом. Сейчас — работает прорабом на стройке. По окончании строительного ВУЗа — получил офицерское звание. По роду войск — к связи так приписан и остался. Познания по связи — у него практически нулевые.

На ужин в столовую собираемся заблаговременно. Хочется просто пройтись,

размяться на воздухе, просто привыкнуть к форме, к шинели. На голове — солдатская шапка с офицерской кокардой. Жесткий воротник шинели — трет шею... Подпоясанный ремнем, обтянутый длинной приталенной шинелью с непривычки чувствуешь себя как в броню закованный — но тепло.

Столовая набита солдатами. Их не видно на гарнизонных площадках. Они появляются неизвестно откуда и неизвестно куда исчезают. Заметив звездочки на наших погонах, уступают нам дорогу у входа, — опасливо сторонятся. Ужин уже находится на нашем столе — и по-прежнему, нас за ним — двое.

Утром следующего дня собираемся в классе — нас уже четырнадцать человек. Подполковник высказывает предположение, что остальные одиннадцать человек вряд ли придут. Обещает представить рапорт высшему начальству о неудовлетворительной работе военкоматов по укомплектованию сборов. Звать подполковника — Валерий Егорович. Большинство прибывших на сборы — из Караганды и Темиртау, по профессии то ли металлурги, то ли шахтеры, — все офицеры запаса. Находится даже среди нас один — капитан. Он, как старший по званию, и назначается командиром взвода — несмотря даже на то, что по виду — он явно с бодуна. Выясняется

окончательно, что среди всех, по профессии и образованию я — единственный связист. Подполковник смотрит на меня с явным удивлением — и как это я сюда попал...

Валерий Егорович в единственном лице будет и нашим командиром и нашим преподавателем. Целый месяц в данном импровизированном классе мы будем заниматься теорией, изучать матчасть, а затем будем участвовать в учениях. Становится понятным, что кроме него мы в части, в принципе, никому не нужны.

Он подготовился к первому занятию. Под запись рассказывает о принципах организации связи в роте, батальоне. Это все — радиосвязь. Называет типы радиостанций. Перечисляет нам тактико-технические данные оборудования. Я не знаю насколько это интересно моим новым товарищам, но меня бросает в неудержимый сон. Скулы разрываются от зевоты. Сколько раз я слышал все это. Спасает лишь то, что приходится записывать информацию в тетрадь.

Обыкновенная лекция, но только очень низкого качества. Как и положено, она прерывается перерывами и наконец, завершается временем на обед. После обеда мы должны собраться в своем классе на самоподготовку, повторять записанное...

— Мужики, напутствует нас Валерий Егорович, — вы же взрослые люди и все понимаете.

Поэтому главное, — ведите себя тихо...

... И потянулись будни. Боже, — какая тягомотина, какая скука...

Глава 10

Единственное место, которое как-то отвлекает, это столовая. Еда не отличается разнообразием, экзотика проходит и все быстро приедается. И суп жидок, и каша часто недосолена. Никогда в жизни не мог себе представить, что самым вкусным продуктом из солдатского рациона является сливочное масло. Его положено — двадцать грамм. Как и хлеб — на свой стол его надо получить, из хлеборезки. Строго дозированные круглые ломтики. Просто с хлебом — как это вкусно... — тают во рту. Нам достается по два кусочка — за счет доли наших не прибывших. Солдатам в хлеборезке нет дела — все ли мы за столом.

Конец первой недели. Режим дня понятен — завтрак, занятия, обед. Самоподготовка — свободное время, ужин, сон. На субботу, воскресенье мы тоже предоставлены самим себе. Заняться абсолютно нечем, в холодной комнате хорошо только под двумя одеялами, и оказывается, сон тоже очень сильно надоедает. Нет газет, нет книг, нет телевизора. Субботний день тянется

невыносимо медленно — это просто пытка временем. Единственная польза — остатки простуды, кашель, покидают меня окончательно. С наслаждением отдираю выполнивший свою миссию перцовый пластырь с груди — наконец-то кожа перестанет зудеть.

Мы уже знаем — путь в часть через КПШ не единственный. Часть не ограждена сплошным забором. За котельной есть тропинка, ведущая в город. И она — довольно найденная. Кто знает — сколько солдат бегают по ней в самоволку. Ребята — карагандинцы, тропу шустро разнюхали и освоили. В субботу — во второй половине дня их земляк — капитан, уже лыка не вяжет. Видно ему не надо много. Они начали «ужинать» в своей комнате загодя. И в столовой вечером вся их комната уже не появляется.

Ну что ж завтра, если погода не испортится — пойду в город и я, не письма же домой писать, — попробую дозвониться...

Погода в самый раз. Настоящий воскресный день, — легкий морозец, ясное солнышко и просматривающаяся насквозь заснеженная степь. Легко шагается по протоптанной дорожке — километра четыре. Кроме самой дорожки, ориентиров нет никаких, — по мере удаления от части, все осязаемей и осязаемей чувствуется тревога. Страшно в степи одному. Затем, как-то

внезапно, из дымки сначала смутно потом все отчетливей, все еще очень далеко, начинают появляться контуры какого-то высотного здания — похоже, элеватора. Чувство тревоги, пока был со степью и горизонтом — один на один, начинает улетучиваться — теперь не заблужусь.

Контуров становится больше. Дорожка выводит на железнодорожный узел. Впереди разрастается мощная разгрузочная территория — взгляд сначала зацепляется за верхушки высотных кранов, постепенно опускается по ним и, наконец, краны растворяются в серости территории, в огромных угольных завалах за которыми уже явственно выступает город. Около полутора часов длился путь. Наконец, долгожданная остановка автобуса. Через неё все маршруты ведут в центр.

Главпочтамт. Переговорный пункт. Много желающих позвонить. Несколько кабин оборудовано автоматическими междугородными телефонами. И доступ к ним свободен. Чтобы обеспечить непрерывность набранного по коду и происшедшего соединения — автомат нужно периодически кормить пятнадцатикопеечными монетами. Тут же разменный пункт. Наменял я их — в горсть не помещаются. Ну, минут на пять разговора — точно хватит.

На другой стороне провода радостный голос жены, бодрый, звонкий...

— Ну, как ты там справляешься, милая?

— Да что со мной делается, — приспособилась, — выходим из дому пораньше, Лена с удовольствием топает ножками сама, правда медленно, не торопясь... на работу успеваю... с Олей проблем нет.

Я не улавливаю в интонациях Ромы ни единой нотки, даже косвенно указывающей, что ей трудно. Она держится молодцом и тут же перебивает меня своими встречными вопросами.

— Да что мы, — мы дома! Как у тебя дела, как устроился?

— Да нормально устроился, служу...

Проклятый попался аппарат. Он щелкает как часы, издает предупреждающие звуки и все норовит прервать связь. Лихорадочно заталкиваю в его жерло монеты — их количество в руке стремительно уменьшается. Или время летит так быстро, или просто автомат разрегулирован, в погоне за сохранением соединения я теряю канву разговора, он какой-то прерывистый, с паузами недопонимания.

Чем так говорить — лучше совсем не говорить. Услышали голос друг друга — и ладно.

— Все, у меня кончаются монеты. Еще позвоню..., целую... люблю...

Долетающие с другого конца провода слова прощания прерываются пустотой. Не успев даже

«пережевать» последнюю монету автомат отключается.

Ощущение полного сумбура в душе перемешано с приятной теплотой. Не важно, что именно говорила моя жена, важно, что я услышал её голос — голос, насыщенный любовью...

Остывая от разговора, некоторое время брожу по городу — не нравится мне город, какой-то широкий, разбросанный, неухоженный, насквозь продуваемый непонятными сквозняками. И солнышко светит и небо, ясное, и ветра нет — а душе не уютно. Чужой город...

В ближайшем киоске скупаю газеты — и за вчерашний день и за позавчерашний. Журналы все местные — республиканские. Покупаю журнал «Простор». Как правило, в нем нет ничего интересного, но в моем положении — на безрыбье и рак — рыба.

Все. Можно возвращаться назад. Обратный путь не близок. Не дай бог начнется поземка — тогда будет худо.

Спиной чувствую удаляющийся город, но связь с ним все слабеет и слабеет. И вот, уже вокруг — пустой голый горизонт и только тропинка, растворяющаяся в блеске солнца среди снежной глади. Поземка усиливается.

В голову лезут дурные воспоминания из детства. У нас тоже за селом — километрах в семи,

в горах Каратау стояла ракетная часть. Как правило, зимой часть не досчитывалась нескольких солдат. Уходили они в самоволку и не возвращались. Потом находили их замерзшими, хоронили всем селом. С оркестром, с почетным караулом, с прощальными залпами из карабинов...

Как медленно тянется время...

... Кочегарка военной части возникает внезапно, вместе с ограждением. Тело охвачено приятной усталостью. Теперь — после двадцатикилометрового броска, не грех — и поспать.

Глава 11

Против обыкновения — газетный материал прочитываю, не торопясь, не просто просматриваю, а именно прочитываю — не пропуская ни одной строки, ни одного абзаца. Впереди, до следующего броска в город, целая неделя и надо растянуть удовольствие.

В духе времени распространяют по стране авторы статей жар Перестройки.

И как бы совсем не к месту, скромненько, не выпячиваясь, проскальзывает вдруг информация о событиях в Азербайджане. Она воспринимается с недоумением. В целом, время хорошее, — чего людям не хватает?

В Нагорно-Карабахской области, в городе Агдам в ходе криминальных разборок хулиганствующими элементами убиты два человека, по национальности — оба азербайджанцы.

В ответ на эти события — националистически настроенными элементами в городе Сумгаите организована дикая шокирующая резня, в ходе которой массово избивались проживающие в городе армяне, грабились их дома. В результате столкновений — погибло более двадцати армян...

Ситуация в Азербайджане накаленная событиями вокруг НКАО развивается по восходящей, и имеет все более негативные последствия.

Её почему-то не удается притушить быстро и сравнительно безболезненно, как в свое время притушили события в Алма-Ате. А ведь и здесь явно проскальзывает национальный подтекст.

Оказывается, уже давно по Армении прокатываются массовые митинги. Официально действует какой-то комитет «Карабах». Именно он выдвигает требование, суть которого сводится к выводу из состава Азербайджана, и присоединению к Армении — Нагорно-Карабахской автономной области, с проживающим там преимущественно армянским населением. Налицо — территориальный спор между советскими

республиками.

А я-то считал, что помимо проблемы восстановления ликвидированной во время войны Немецкой Автономной республики на территории Поволжья — у Советского Союза других проблем нет. Но немцы — ладно, — не коренная нация. А тут — коренные народы... что они не поделили.

Положение вокруг событий в Нагорном Карабахе становится предметом обсуждения на состоявшемся в феврале Пленуме ЦК КПСС и не находит своего разрешения.

Вот и кровь пролилась... Горбачев характеризует эти события как «удар ножом в спину Перестройки».

Неужели у Перестройки есть враги...

Приятно удивляет журнал «Простор». В попавшемся мне номере напечатано начало романа казахстанского писателя Ивана Щеголихина — «Должностные лица». Роман захватывает с первых страниц, написан очень остроумно, простым языком. Действие романа разворачивается вокруг событий связанных с разворыванием пушнины, незаконным производством и реализацией меховых изделий в одном из городов Казахстана. Дело поставлено на широкую ногу и имеет успех. Это все так правдоподобно, что захватывает дух...

Неужели, именно такая жизнь течет вокруг нас всех?

Как люди, описанные в этой жизни, контрастируют с образом советского человека представляемого каждым из нас. И как эти люди впишутся в Перестройку — куда приведет их Гласность? С нетерпением хочется дочитать роман до конца. Но его продолжение будет напечатано в следующем номере, — через месяц. Надо будет за журналом поохотиться.

С опозданием на неделю прибывает последний «мобилизованный». Он поселяется — «третьим» в нашей комнате. Жунусов Алихан, — лейтенант запаса, механик одной из автобаз города Джамбула. Мы с Володей уже приспособились к климату в комнате — а он, южанин, — мерзнет невероятно — помимо двух одеял набрасывает на себя и шинель. Опоздание обходится ему без последствий.

Как-то, в разговоре об офицерской жизни, наш подполковник упоминает, что практически все молодые офицеры части регулярно пишут рапорты с просьбой направить их в Афганистан. Наверное, для большинства из них — это единственный способ вырвать себя, а впоследствии и свои семьи из одуряющей рутины и неустроенности быта, испытываемой и нами в полковом общежитии. Но мы-то временно, а они — годами. Да и год, говорят, там идет за три, и платят там прилично. Вся природа патриотизма раскрывается просто...

Мы по-прежнему, занимаемся в быстро опостылевшем классе. Помимо тактико-технических данных — записываем назначение каждого тумблера, каждого регулятора на панелях радиостанций. Наверное, моим товарищам это бездумное теоретическое запоминание нужно — они в душе опасаются обещанного экзамена, но мне-то это зачем. И экзамена я не боюсь.

Валерий Егорович относится ко мне очень уважительно. Я не выпячиваюсь, совсем не показываю вида, что мне все это знакомо, дисциплинированно пишу все, что он диктует, но чувствую, он даже как будто стесняется меня — хотя когда-то окончил военное училище связи. Сам Валерий Егорович, чувствуется, высокий профессионал в своем деле, практик — многие годы имевший дело с солдатами. Вот и нам передает (он просто не может по-другому) свои знания — как рядовым солдатам.

В один из перерывов задерживает меня: — надо поговорить.

— Виктор, — он называет меня просто по имени, — у вас большой опыт руководства гражданскими людьми. Вы не могли бы поговорить с капитаном Завальнюком о его поведении. Ведь он уже и на занятия приходит полупьяным. Я, конечно, могу привлечь его к ответственности в

соответствии с уставом, могу, наконец, сообщить о пьянстве на его работу. Но вы же все — гражданские люди, призваны сюда на короткий срок и совсем не для того, чтобы армия занималась вашим перевоспитанием. Нам достаточно наших солдат. Да и по возрасту Завальнюк старше меня. Не хочу я ему неприятностей, да и себе самому из-за него, лишних проблем.

Деликатный и тактичный человек — этот подполковник, — с молодости служит в армии, а совсем не солдафон. Мне понятна его озабоченность. Я обещаю поговорить. Мне лично самому претит пьянство, и мне просто неудобно, наверное, как и другим, сидеть в комнате на занятиях с полупьяным офицером. Нас — пятнадцать человек вокруг него — у всех офицерские погоны на плечах, но все мы делаем вид, что ничего не происходит.

Кто же кого больше портит, унижает и позорит — армия гражданского человека, или гражданский человек — армию. Общество все хуже и хуже отзываемся об армии. Но как воспринимает армия гражданских людей...

В этот же день заглядываю в комнату капитана. В комнате — вместе с ним трое его земляков. Но они-то в пьянстве не замечены. Живут лучше нас — уже только потому, что у них теплее. Комната расположена с солнечной стороны.

Наверное, от прямых лучей солнца. В комнате даже есть шахматы. Принадлежат капитану. Похоже не совсем пропавший человек — капитан. Мне играть с ним шахматы безнадежно — в первой же партии он разбивает меня в пух и прах. Проиграв партию, закончив нейтральную перебранку словами с ребятами о житейском, — перед уходом, непосредственно обращаясь к Завальнюку, четко произношу:

— Капитан, — мне нет дела от чего тебя «ведет». Но с сегодняшнего дня ты прекратишь превращаться в свинью. Понятно о чем я говорю?

Завальнюка передергивает от неожиданности услышанного. Он съеживается как от удара, и ... — молчит.

— Так понятно или нет?

— Понятно — выдавливают капитан.

Вероятно, чувствуется людьми годами наработанная во мне властность. Все последующие дни на занятиях капитан находится в форме.

Обыденный утренний завтрак в набитой солдатами столовой. Сегодня я несу к столу нарезанный хлебрезами хлеб и драгоценное сливочное масло.

Вдруг, резкий толчок..., — земля уходит из-под моих ног. Она просто ходит ходуном. Я с трудом удерживаю в руках разнос. На ближайшем

столе — дребезжит посуда. Волнами, волнами идут толчки, постепенно, замирая. Солдаты и ухом не ведут.

В местах, где прошло мое детство, в горных местах, такие явления — не редкость. Но здесь-то, откуда землетрясение — в простирающейся всюду голой степи...

Мы возбужденно переговариваемся. Вездесущий Володя просвещает — это на полигоне произвели ядерный взрыв. Здесь это обычное явление. В Павлодаре мы тоже ощущаем толчки. Ждите официальное сообщение.

Чуть позже по «Маяку» в сводке утренних новостей действительно звучит:

— Сегодня в пять часов тридцать минут по московскому времени в целях ... — ... в Советском союзе, на Семипалатинском полигоне проведен подземный ядерный взрыв мощностью 20 килотонн.

Боже, — всего двадцать килотонн...

Глава 12

В унылом однообразии завершается март. Наш подполковник иссякает. Все теоретическое, что он мог преподнести, продиктовано и записано в конспекты. Он все чаще опаздывает на занятия, отпускает «на самоподготовку» нас заранее. Его